

русская повесть лишены каких-либо специфических павликианских черт и вполне „правоверны“. Это, конечно, не исключает возможности какого-то участия павликиан в византийском эпическом творчестве, но с уверенностью судить о размерах такого участия у нас нет никакой возможности.

Схожие взгляды Грегуар развивает и в своих последующих работах⁵⁴. В 1940 г. он публикует статью⁵⁵, где на основании изложенных выше выводов дает сравнительный анализ всех версий памятника, выделив в них первоначальное ядро и поздние напластования и приводя генеалогическую таблицу версий поэмы (103). В основу он ставит народные песни и арабские предания VIII—IX вв. Около 900 г. из них возникает павликианская поэма, послужившая, с одной стороны, источником „Девгениева деяния“ (XII в.), с другой, источником ряда обработок, устранивших одни сцены, вводящих другие и несколько изменяющих порядок действия. От одной из таких редакций происходил архетип ГФ (X—XI вв.), а также экземпляр с ошибками в тексте и утраченным прологом, послуживший оригиналом Э. На основе этого оригинала и архетипа ГФ создается новая редакция, содержащая некоторые добавления; от нее в свою очередь произошли архетипы Т и А и позже — О. При всех сомнениях, которые вызывают отдельные промежуточные звенья, устанавливаемые автором, таблица А. Грегуара представляет в настоящее время, пожалуй, наиболее интересную попытку такого рода.

В 1942 г. Грегуар выпустил в Нью-Йорке на греческом языке (димотике) отдельную книгу, посвященную византийскому эпосу⁵⁶. Труд этот основан на результатах предыдущих исследований автора и не содержит каких-либо существенных новых выводов. Грегуар справедливо трактует здесь Дигениса как национального героя средневековой Греции (гл. I), дает очерк исторической обстановки — в основном IX в. (гл. II), останавливается на народных песнях (гл. III). В последующих главах автор повторяет выдвинутые им в свое время исторические, географические и литературные параллели к поэме, а также свои многочисленные идентификации действующих лиц. Отдельную главу (гл. VI) он посвящает древнерусской повести. Интересна глава XIV — „Непосредственное происхождение эпоса о Дигенисе из народных песен“ (*τραγούδια*). В приложении Грегуар дает антологию — 16 народных песен и отдельные отрывки из поэмы (стр. 201—285). Книга снабжена иллюстрациями, картами, библиографией; воспроизводится также и упомянутая выше генеалогическая таблица (301).

Из послевоенных работ Грегуара упомянем его статью, посвященную проблеме первоначальной версии „Дигениса Акрита“⁵⁷, и являющуюся ответом на одноименную статью К. Дангидиса⁵⁸. Грегуар снова останавливается на значении „Девгениева деяния“ и на соотношении версий поэмы, главным образом ГФ и Э, каждая из которых имеет, по его

⁵⁴ Назовем здесь: Н. Grégoire. Le Digénis russe. Russian epic studies ed. by R. Jacobson and S. Simmons. Philadelphia, 1949, p. 131—167; его же. Devgenij ou Digenij. Byz., XXII, 1952, p. 148—150.

⁵⁵ Н. Grégoire. Notes on the byzantine epic. The greek folksongs and their importance for the classification of the Russian version and the greek manuscripts. Byz., XV, 1940, p. 92—103.

⁵⁶ Ο Διγενής Ακρίτας. Η βυζαντινή εποποιία στην ιστορία και στην ποίηση υπό Н. Grégoire. New York, 1942, λγ', 336 p. См. рецензию на нее А. П. Каждана (ИАН СССР, сер. истории и философии, т. V, № 2, 1948, стр. 211—214).

⁵⁷ Н. Grégoire. Le problème de la version „originale“ de l'épopée byzantine de Digénis Akritas. REB, VI, 1948, p. 27—35.

⁵⁸ С. Danguitsis. REB, V, 1947, p. 185—205. Дангидис сравнивает здесь версии поэмы, главным образом ГФ и Э, и приходит к выводу о наибольшей древности Э, всецело разделяя точку зрения Крумбахера о языке первоначальной редакции памятника (204).